

В память о Филипе и Жаклин.

В написании этой книги мне помогли многие, в том числе Рут Леви, Луи Миллер, Франсуаза Эссель, Бертиль Эссель, Ален Рустенхольц, Сандрин Трене, Флоранс Моргенштерн, Мари-Кристин Оттен Пешио, Ролан Мейер, а на заключительном этапе — Кароль Вернон.

Моя вечная благодарность Виолетте, Аните, Хильде, Эве, Регине.

Спасибо и прощайте, Элен, Иветт, Дора, Хелена, Зофья, Сильвия.

Спасибо Тамаре Ландау за то, что помогла осознать законность моего существования... и начать жить.

И наконец, благодарю всех детей и молодых людей, которым, смею надеяться, я помог за последние тридцать лет. Они придали смысл моему существованию.

Жан-Жак Фельштейн с матерью

ПРОЛОГ

Кёльн, лето 1958-го

Мне снится кошмар. Небо в этом кошмаре серое. Нас много — тысячи плотно прижатых друг к другу голых людей, которых загнали на бескрайнюю эспланаду. Крик из тысяч разверстных ртов сливается воедино и звучит под открытым небом так, словно отражается от гладких стен гигантской ванной комнаты. Успокаивает одно — ты у меня за спиной, на расстоянии оклика. Ты не говоришь со мной, только озираешься, как безумная. Может, тебе неизвестно, что я здесь? Давление — трудно определить, откуда оно исходит — заставляет людскую массу тронуться с места, вперед, к металлическому порталу, ведущему на лестницу. Мы начинаем подниматься толпой, пихаемся, все громче кричим. С каждой ступенькой мой страх усиливается. Крик оглушает. Мы бредем по коридору — к пустоте. Шедшие впереди ис-

В ОРКЕСТРЕ АУШВИЦА

чезли, в том числе ты. Я знаю, что обязан броситься вниз, и вдруг понимаю: все мы находимся на гигантском трамплине, над плавательным бассейном. Белый кафель и синяя разметка дорожек видны очень четко, воды над ними нет. Мы должны прыгнуть, нас сбрасывают, чтобы убить...

Я просыпаюсь — во сне у меня закончился воздух. Я один. Ты ушла на работу.

В детстве этот сон был первым мысленным отображением массового уничтожения — нашего уничтожения нацизмом. Это видение катастрофы я воссоздал, опираясь лишь на то, что воспринял от тебя, когда пытался установить контакт между нами. Ты предпочла ничего не говорить о том, что вынесла за несколько лет до моего появления на свет. Когда-то у меня было буйное воображение, но я знал — благодаря тебе, — что ужас наводят не рогатые демоны, летающие драконы и бешеные волки, населяющие воображение маленьких детей. В глубине души я понимал — нет, догадывался, — что та катастрофа была скорее всего глупым, технологическим, анонимным и гигиеническим кошмаром, бойней, в точности исполненной теми, кто ее программировал.

Я сочувствовал тебе всей душой, осознавая, что неспособность уделить мне внимание углубляет разделяющую нас бездну. Пережитое тобой внутреннее разрушение было почти тотальным, ты

не находила сил даже обдумать его, а тем более описывать мне.

Мучительны были дурные сны, изматывавшие душу и мозг: ты просыпалась с криком и смотрела невидящим взглядом в пустоту, отец никак не мог тебя успокоить. Я знал: заговаривать с тобой об этом нельзя ни в коем случае. Лишь много времени спустя я осознал, что мой поцелуй на ночь иногда волшебным образом защищал тебя от этих кошмаров. Поцелуй был обязателен, как воинская присяга. Что бы ни происходило между нами, как бы я ни обижался на тебя, каждый день нашей жизни заканчивался поцелуем. А еще нас объединяла твоя мигрень: ты страдала так жестоко, что отталкивала любого решившего приблизиться к тебе человека, на большее сил не хватало. Облегчать боль я не умел и перенимал ее, зная, что не рискую ослабить тебя этим, что ничем иным ты меня не одаришь.

Я быстро понял, что ты не можешь присутствовать в моей жизни постоянно, что было бы неуместно просить тебя о большем. Твое поведение и атмосфера нашего дома ясно давали понять, что я не имею права проявлять недовольство или обиду. Это выглядело бы нелепо перед лицом твоих страданий.

Мы жили тогда все вместе в маленьком доме, и другие члены семьи — *твоей* семьи, как я всегда ее называл, — стремились тебя поддержать, за-

В ОРКЕСТРЕ АУШВИЦА

щитить, чем еще больше нас разделяли. Зачем, по какому праву они вмешивались, вставали между нами? С какой стати имели собственный взгляд на наш счет и почему ты позволяла им иметь такой? Я был развит не по годам, требовал слишком многого, реагировал на все излишне болезненно, на что ты могла отвечать, только чередуя апатию со взрывами гнева. Когда ты была слишком занята, со мной возились другие...

Я нуждался в тебе, а ты не всегда оказывалась рядом, чтобы утешить, поддержать, объяснить. Ты упорно отказывалась отвечать малолетнему сыну на вопросы о своем прошлом и моих корнях.

Сколько себя помню, я всегда был настороже, ожидая неведомой катастрофы, которая в лучшем случае разлучит нас, а в худшем — убьет обоих. Неназываемое событие, груз которого ты несла в одиночестве, произошло до моего рождения.

Я звал тебя, а ты откликалась не всегда. Этот комплекс фрустрации, такой стыдный и так тщательно скрываемый, по мнению нашей родни — они считали тебя святой, — пометил меня на всю оставшуюся жизнь.

Ты позволяла мне расти в стандартной для 50-х годов обстановке безмолвия. Необычными были две детали — книги и портрет ребенка, сделанный сангиной и пастелью на крафтовой бумаге. На нем была изображена трехлетняя Лидия

в сереньком костюмчике на пляже в Кнокке¹. Ее светлые волосы, подстриженные по моде 20-х годов, оттеняли пухлые румяные щечки. Вся она выглядела умирительно округлой, и портрет работы довольно известного художника стал призом девочке, которую в конце Прекрасной Эпохи называли «самым красивым ребенком пляжа»! Портрет в стильной раме висел в гостиной, над расстроенным пианино, напротив чудовищно уродливого «Натюрморта с фазаном», а-ля голландцы. В эту гостиную дозволялось «зайти на минутку и ни в коем разе ничего там не повредить».

На полках стояло штук тридцать романов: мушкетерская трилогия Дюма, «Удары шпаги господина де ла Герша, или Против всех, вопреки всем» и «Бель-Роз» Амедея Ашара², полное собрание сочинений графини де Сегюр³. Каждый том был в обложке из синей или коричневой бумаги, на школьных этикетках кто-то аккуратно вывел перьевой ручкой названия. Книги выглядели любимыми, но давно не читанными. Напоказ их не выставляли — хранили в глубине деревянного шкафа, занимавшего целую стену на кухне.

¹ Кнокке - Хейст — город на побережье Северного моря, курорт на крайнем севере Бельгии, на границе с нидерландской провинцией Зеландия.. *Здесь и далее прим. перев.*

² Луи Эжен Амедей Ашар (1814–1876) — французский журналист, романист и драматург XIX века.

³ Графиня де Сегюр — одна из самых читаемых детских писательниц Франции.

Это были «книги тети Лидии». Я читал их жадно и берег, как семейные реликвии, не ведая, что случайно угадал.

Итак, у меня был портрет девочки Лидии, книги для юношества и имя взрослой женщины — «тети Лидии». Три разных возраста загадочной героини, слишком молодой, чтобы быть чьей-нибудь теткой. Никто — и ты меньше всех — не желал просветить меня на ее счет.

Я сумел связать Лидию и невнятное, непроницаемое для меня прошлое только через много лет. Сначала пришлось пережить личные катастрофы и пропитаться влиявшими на всех нас эманациями Катаклизма, ничего об этом не зная.

Прости за резкость, но распад семьи я воспринял как нацистские зверства. Я был центром детской вселенной, вы с отцом — ее опорной аркой. Все мы были не слишком сильными, и конструкция то и дело опасно шаталась. Ваше расставание уничтожило остатки моего душевного покоя.

Мне снились кошмары об оторванных руках и ногах, вывалившихся кишках, кровавых ранах. Во сне я искал вас обоих в горящих городах, среди руин, в обездоленных пейзажах.

Твой отъезд в Германию развеял по ветру все, что от меня оставалось, и к этому я оказался готов еще меньше, чем к вашему разводу. Ты не уехала — сбежала, пока я был, как тогда говори-

ли, «в колонии». Дом отдыха для еврейских детей располагался на побережье Ла-Манша, там я впервые столкнулся с понятием «война 1939–1945». И в первый раз в жизни остался один.

Я прожил два месяца, как в тумане, объятый ужасом. Я утратил контроль над своим телом и мочился в постель, лишался всего, что имел: если не отдавал вещи добровольно, их у меня отбирали или крали. Я думал об одном — когда и как снова увижу тебя. Ты вернулась в Германию, хотя для всех нас эта страна не была «нейтральной»: стоило мне услышать ее название, душа отзывалась смутным страданием, унаследованным от тебя.

Твой отъезд слишком сильно напоминал изгнание. В нашей разлуке материализовался мой вечный страх: тебя увозит поезд, а я не способен вытащить тебя из вагона и навечно остаюсь один на платформе.

Я выбрался из раковины и продолжил взрослеть только после того, как было условлено, что я стану регулярно приезжать в Кёльн, где ты открыла косметический салон.

Началась разделенная надвое жизнь. В девять лет я самостоятельно пересекал пол-Европы, чтобы увидеть мать, а потом один возвращался к отцу. Меня это не пугало: я выросел и сохранял вас обоих... никогда не знал наверняка, будут меня ждать на вокзале и в аэропорту или нет.